

«Перетекание рынка в общество» как политическая проблема

С.Г. Кара-Мурза, И.А. Тугаринов

В 1987 г. в перестройке был взят курс на переход от плановой системы хозяйства к «рынку». Поначалу это подавалось как углубление социализма, и М.С. Горбачев уверял: «Короче, преимущества планирования будут в нарастающей степени сочетаться со стимулирующими факторами социалистического рынка. Но все это будет разворачиваться в русле социалистических целей и принципов хозяйствования»¹.

Однако эти обещания М.С. Горбачев сопровождал оговорками такого типа: «Один из признаков революционного периода — большее или меньшее расхождение между коренными интересами общества, передовая часть которого готова к крупным переменам, и сиюминутными повседневными интересами людей. Всем, возможно, придется чем-то поступиться на первом этапе перестройки»².

В марте 1990 г. академик Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад, который стал подведением итогов перестройки. Суть перестройки формулировалась так: «Переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и “социализированному” капитализму».

В западной прессе говорилось открыто, что главной целью экономической реформы в СССР и Восточной Европе было разрушение политической системы. Накануне обсуждения закона о приватизации в Верховном Совете СССР можно было прочесть такие сообщения (Лондон, 16 апреля): «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов... Со своей стороны, правительства [стран СЭВ] рассматривали приватизацию как средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов»³.

Так, в 1987–1988 гг. была начата реализация стратегического проекта ликвидации экономической системы и общественного строя СССР. Разработка этого проекта велась долгое время. Чтобы описать стратегические доктрины и принципы главных акторов, которые действовали в тот период, эмпирического материала достаточно. На эту тему был даже доклад ЦРУ и разведуправления

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М., 1988. С. 89.

² Там же. С. 49.

³ Демпси Дж. Пора определиться в вопросах собственности // КОМПАС. № 94. 17.05.1991.

Министерства обороны США, представленный Конгрессу США по его запросу 16 мая 1991 г. Анонимные авторы доклада вызывали уважение: они просто и взволнованно говорили о том, какие массовые страдания ожидают население в результате приватизации, к которой не были готовы ни хозяйство, ни общество.

Если взять сотни три главных индикаторов всего жизнеустройства России (в образе СССР и в нынешней форме) и построить графики их динамики, то можно наглядно видеть реализацию этой стратегии. Экономическая программа перестройки, завершенная ликвидацией СССР, привела к социальному бедствию на всей территории СССР⁴.

Американские эксперты, работавшие в Москве, пишут (1996): «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России»⁵.

Об этом писал и видный либеральный философ Дж. Грей: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях...

Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада...

Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными»⁶.

Хотя разработчиков доктрины консультировали в основном экономисты из англосаксонской неолиберальной школы, в планы реформы не были заложены смягчающие социальный шок механизмы, которые были известны основоположникам классического английского либерализма. Об этом пишет в 2000 г. профессор Калифорнийского университета, позже президент Американской социологической ассоциации М. Буравой: «Если Англия реагировала на рынок

⁴ *Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г.* Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы. 1959–2013. М.: Научный эксперт. 2015.

⁵ *Эмсен А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996. С. 65–85.

⁶ *Грей Дж.* Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.

активностью общества и регулятивными действиями государства, в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики. Государство же, не стремясь к синергии с обществом, связало себя с глобальной экономикой, с транснациональными потоками природных ресурсов, финансов, информации...

У Поланьи государство Англии представляет «коллективные интересы», добиваясь баланса рынка и общества. В России государство похитила финансово-природно-ресурсно-медийная олигархия... Опыт Китая показывает, что государственный социализм может обеспечить основы расцвета рыночной экономики, развивая синергию государство-общество; для Поланьи это данное. Россия утратила такую возможность, став жертвой программы разрушения государственной экономики, как будто разрушение самодостаточно для генезиса нового»⁷.

Здесь рассмотрим одну из важных функций, которые государственная власть должна выполнять при либерализации хозяйства традиционного типа (в том числе советского планового). Эта функция в терминологии консерваторов формулируется так: не допустить «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». Другими словами, в любой общественной системе есть интересы и ценности, бытование которых не должно регулироваться рынком. Один из зачинателей институциональной политической экономии Алэн Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно»⁸.

В России смысл и роль этой функции в ходе реформы игнорировались. Можно сказать, эта функция принципиально была исключена из доктрины реформы как бы во исполнение постулата идейного основателя современного нелиберализма Ф. фон Хайека: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, — вещь неведомая в свободном обществе»⁹.

Разработчики доктрины реформы отбросили даже базовую либеральную ценность — либерализм. Как выразился сам Адам Смит, либерализм отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других». Можно ли было допустить «перетекать» этой максиме в общественные отношения России?

Академик О.Т. Богомолов, который в 1991 г. активно поддерживал «социальную рыночную экономику», в 2006 г. писал: «Как это ни печально констатировать, но реформы в России сопровождались пагубным расстройством не только экономики, но всей системы общественных отношений»¹⁰. Эта проблема поднималась в самом начале реформы, но даже в академической среде не была обсуждена. А.С. Панарин пишет: «Самая большая тайна, ныне скрываемая от

⁷ Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС, 2009. № 9.

⁸ См.: Бенуа А. де. Против либерализма // Русское время. 2009. № 1.

⁹ Хайек Ф. фон. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.

¹⁰ Богомолов О.Т. Нуждается ли рынок в нравственности? Взаимодействие экономики, политики, культуры и морали в переходных обществах / Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М., 2006.

нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения *сами по себе не сплачивают людей*»¹¹.

Действительно, на эту тему была наложена цензура, весьма строгая. Американские эксперты (А. Эмсен, М. Интрилигейтор и др.) пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов»¹². В те годы этот ярлык был едва ли не опаснее, чем ярлык «фашиста».

Значение барьера, препятствующего распространению в обществе «рыночного» мировоззрения, в главном растолковал уже Адам Смит. Он предупреждал об опасности трагического обеднения всей общественной жизни под воздействием рынка. Дж. Грей цитирует следующее резюме этих рассуждений Адама Смита: «Таковы недостатки духа коммерции. Умы людей сужаются и становятся более неспособными к возвышенным мыслям, образование записывается в ряд чего-то презренного или как минимум незначительного, а героический дух почти полностью сходит на нет. Исправление таких недостатков было бы целью, достойной самого серьезного внимания»¹³.

О.С. Пчелинцев пишет в 2002 г.: «Констатируя провал радикальных реформ в первой половине 90-х гг., Ю.В. Яременко задавался вопросом: “почему мы все же продолжаем жить по тем правилам, которые, как выяснилось, ни к чему хорошему не приводят?” Понятно, что сегодня, когда позади уже не два, а двенадцать лет “реформирования” — и все с тем же успехом, этот вопрос стоит только острее. Конечно, есть объяснение известного философа и социолога А. Панарина, связывающее феномен игнорирования общих интересов с фундаментальным процессом разложения “социального государства” и выхода класса “новых богатых” из национального консенсуса»¹⁴.

Задача ограничить пространство рынка культурными и политическими засьонами, очень сложна. Американский философ К. Лэш пишет: «[Рынок] оказывает почти непреодолимое давление на любую деятельность с тем, чтобы она оправдывала себя на единственно понятном ему языке: становилась деловым предприятием, сама себя окупала, подводила бухгалтерский баланс с прибылью. Он обращает новости в развлечение, ученые занятия в профессиональный карьеризм, социальную работу в научное управление нищетой. Любое установление он неминуемо превращает в свой образ и подобие»¹⁵.

Но надо отдать должное — Запад приложил огромные усилия, чтобы нейтрализовать вирулентность «духа коммерции». Но ведь российские реформаторы не просто пренебрегли опытом этих усилий Запада, они подавляли даже попытки обсудить эту проблему. Так к рычагам и явной, и теневой власти просочились самые хищные слои и субкультуры рынка. Хорошо еще, что фанатизм рынка не захватил широкие массы, они и стали буфером.

¹¹ Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2006. С. 190.

¹² Эмсен А. и др. Указ. соч.

¹³ Грей Дж. Указ. соч. С. 194.

¹⁴ См.: Пчелинцев О.С. Новые интернационалы // Литературная газета. № 52. 25–31 декабря 2002 г.

¹⁵ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002. С. 79–80.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «*всенародной стройке*», что главные идеи нового порядка были приняты *народом*: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые “просвещенные” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма»¹⁶.

Как известно, контрмеры были приняты, Запад в этом катаклизме не погиб, а вышел из него как могучая, энергичная цивилизация, но с ненасытной жадой экспансии.

Кстати, недопустимость вторжения этоса коммерции во многие общественные сферы (например, во власть, военное дело, образование и медицину) была известна задолго до капитализма. Так, когда византийский император Феофил (IX в.) неожиданно обнаружил торговые предприятия императрицы — принадлежавший ей корабль был немедленно сожжен, а сама она наказана. В хронике записаны слова Феофила: «А кто когда видел, — прибавил он с душевной горечью, — чтобы ромейский царь или его супруга были купцами?»

Многие бунты древности и Средневековья были вызваны тем, что воины-дворяне погрязли в коммерции и стяжательстве. С такого бунта (вначале когнитивного — тезисов Лютера о коррупции церкви, торгующей индульгенциями) началась и Реформация.

Залоговые аукционы, создавшие «олигархию», как раз означали введение во власть людей с мировоззрением коммерсантов. Произошло слияние и взаимопроникновение власти и богатства.

Какие угрозы России породил диктат «рынка»? Многие из них лежат на поверхности, и мы их лишь перечислим:

- коррупция госаппарата — «продажа частицы власти на черном рынке»;
- резкое сокращение инвестиций в основные фонды страны (капиталовложений в будущее) ради быстрой выгоды;
- внедрение идеологии потребительства и деформация культуры — сдвиг к «обществу потребления» с множеством разрушительных последствий (преступность, сокращение рождаемости, дезинтеграция общества);
- деградация культуры и рост массы обездоленных из-за коммерциализации образования и здравоохранения.

Скажем об угрозах менее очевидных, но уже в среднесрочной перспективе очень опасных. Есть формула: «То, что имеет цену, не имеет ценности». Резкое расширение зоны купли-продажи быстро снижает мотивацию населения на личные усилия по *сохранению* страны. Мы наблюдали, как жизнеспособность постсоветской России снижалась в 1990-е гг. из-за падения этой мотивации.

Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988–1989 гг. армия была институтом, который пользовался очень высоким доверием

¹⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетей, 2002.

граждан (70–80%). Но уже в 1993 г. от службы уклонилось 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 г. Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников — «родная земля продается!».

«Власть богатых» разорвала узы между большинством населения и государством. Практическое наделение *олигархов* властью подорвало гражданскую мотивацию. Вот вывод социологов в 2004 г.: «В период 1993–1997 годы все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В настоящее время высокий рейтинг Президента можно рассматривать как сугубо символический, поскольку доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается уважительным отношением к государственным институтам власти: Думе, Правительству, органам правопорядка»¹⁷.

Для подрыва жизнеспособности России важен тот факт, что, подняв к власти и собственности мещанство с его философией «мелкого коммерсанта», государство подорвало (если не пресекло) воспроизводство *интеллигенции*. Мещанство — ее антипод, экзистенциальный враг.

Историк и социолог О.К. Степанова пишет: «Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе — идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие “мещанство”. Об этом прямо писал П. Милюков: “Интеллигенция безусловно отрицает мещанство; мещанство безусловно исключает интеллигенцию”...»

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме “пролетарского государства” — капиталистическому модернизму»¹⁸.

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство лишь до тех пор, пока она одухотворена сама. Ее *человечность в отношении большинства* служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс. Именно это национальное несчастье случилось за последние десятилетия в России.

Страна не может быть «собранной» без достаточного числа людей с «трансцендентальной системой ценностей» — аристократов духа. В работе П.А. Сорокина «Человек и общество в условиях бедствия» он дает характеристику этого типа личности: «Люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким

¹⁷ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // «СОЦИС», 2004. № 10.

¹⁸ Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС, 2003. № 1.

чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и ни одна катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют ясность ума, чувство человеческого достоинства, самоуважение и чувство долга. Имея эти качества, они могут вынести любое испытание, каким суровым бы оно ни было»¹⁹.

Эти люди «внерыночного» типа были рассыпаны по всем социокультурным группам. Особенно важным их «резервуаром» стала интеллигенция — в этой социальной нише такие люди образовали сообщество с близким для всех их типом образования и рациональности, а также с внутренней информационной системой.

Их ценили и в Российской империи, и в СССР — хотя они часто были очень неудобны для власти, да и для общества. Поведение интеллигенции не раз приобретало взрывной характер из-за сочетания рационализма с глубокой, даже архаической верой. Об этом размышлял Достоевский, а Ницше даже ввел понятие об особом типе нигилизма — «нигилизм петербургского образца (т. е. вера в неверие, вплоть до мученичества за нее)».

В 1990-е гг. таких людей маргинализировали и в общности рабочих, и крестьян, и офицеров... Они или носят социальную маску конформиста, или ведут катакомбную духовную жизнь. А интеллигенция не устояла под натиском «рыночной экономики» и распалась как система.

Удивительно, что в буржуазный энтузиазм впала интеллигенция, которая всегда претендовала на то, чтобы быть духовной аристократией, хранительницей культурных ценностей России. Как получилось, что она вдруг оказалась охваченной мировоззрением мещанства и стала более буржуазной, нежели российская буржуазия начала XX века? Еще более удивительно, что при этом в ней усилились и утопические, мессианские черты мышления. Быть мещанином и в то же время совершенно непрактичным — ведь это провал рациональности.

Как представляла себе интеллигенция свое бытие в буржуазном обществе, если бы его действительно удалось построить в России? Она как культурный тип там никому не нужна. Й. Шумпетер писал: «Буржуазное общество выступает исключительно в *экономическом обличье*; как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки — все они сотканы из *экономического материала*»²⁰. Напротив, русская интеллигенция — явление исключительно *внеэкономическое*. Сказано было много раз и вполне ясно: интеллигентность с рыночной экономикой несовместима.

Она могла и может существовать только в «культуре с символами» (Гегель), то есть в *небуржуазном* сегменте общества. Если бы интеллигенция, бурно поддержав Горбачева и Ельцина, сознательно желала бы своего уничтожения и растворения в массе ларечников и нищих — было бы странно, но логично. В этом было бы даже нечто героическое. Но наши интеллектуалы мечтали так и остаться аристократией, при государственной кормушке, служить «инженера-

¹⁹ Сорokin П. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. 1993. № 3.

²⁰ См.: Иноземцев В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia, Наука, 1998. С. 184.

ми человеческих душ» — но чтобы вне их круга экономика была бы рыночной, а общество буржуазным.

Интеллигенция всегда была связана с государством и существовала под его опекой, хотя и фрондировала против него. А в этот раз государство бросило ее на произвол судьбы, и ее сожрала «рыночная экономика». А.С. Панарин писал: «Буржуа в принципе стремится в такие пространства, где его асоциальные практики не получают должного отпора».

Этот отпор могло дать только государство.

Список используемых источников

1. Бенуа А. де. Против либерализма // Русское время. 2009. № 1.
2. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС, 2009. № 9.
3. Богомолов О. Т. Нуждается ли рынок в нравственности? Взаимодействие экономики, политики, культуры и морали в переходных обществах / Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ) М., 2006.
4. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М., 1988.
5. Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы. 1959–2013. М.: Научный эксперт. 2015.
6. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.
7. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // «СОЦИС», 2004. № 10.
8. Демпси Дж. Пора определиться в вопросах собственности // КОМПАС. № 94. 17.05.1991.
9. Иноземцев В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia, Наука, 1998. С. 184.
10. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002. С. 79–80.
11. Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2006. С. 190.
12. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейя, 2002.
13. Пчелинцев О.С. Новые интернационалы // Литературная газета. № 52. 25–31 декабря 2002 г.
14. Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. 1993. № 3.
15. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС, 2003. № 1.
16. Хайек Ф. фон. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.
17. Эмсден А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996. С. 65–85.